DOI: 10.19195/0137-1150.163.5

JELENA DZIUBA

Нижегородский государственный
педагогический университет им. Козьмы Минина, Rosja
dsjubannov@list.ru

Восприятие старости и изображение персонажа-старика из XVIII века в русской литературе

В русской литературе XVIII век выступает как особый культурно-исторический континуум. Система ценностей, сложившаяся в Петровскую эпоху, разорвала связь с предшествующей традицией и существенно скорректировала траекторию развития социума и государства. Именно поэтому литературный персонаж, чье формирование пришлось на XVIII столетие, а старение на начало века XIX, представляется особенно важным для характеристики старости и ее апологии в русской литературе того времени.

Одну из наиболее ярких характеристик образа жизни человека XVIII столетия дала Лидия Яковлевна Гинзбург:

Дворянская Россия все делала развитием спеша. Подростки были студентами, молодые люди полковниками. Ранняя половая жизнь, ранние военные и гражданские карьеры, ранняя власть над живыми людьми. Опыт мысли приходил к ним преждевременно, и умы, не загруженные опытом бытия и быта, работали напряженно¹.

В отличие от бурной и стремительной молодости, зрелость и старость представлялись как желанная и безопасная пора. В антропологическом плане стремительная смена жизненных вех порождала феномен быстро взрослеющего человека, который, минуя пору детства, существовал в рамках отведенной для него социальной роли, накапливая опыт бытового и книжного знаний, чтобы в свою очередь передать их своим потомкам.

Неслучайно, умудренный опытом человек, родившийся и сформировавшийся как член социума в XVIII веке, воспринимается последующей

¹ Л. Гинзбург, *Литература в поисках реальности*, Ленинград 1987, с. 276.

эпохой XIX века состоявшимся, приобретшим авторитет и репутацию стариком, хранителем основ домашнего и государственного уклада, устройте-лем мира. Особый опыт и представления о доме, семье, обществе обретают характер нравственного ориентира для новых поколений.

Как нам представляется, алгоритм восприятия подобного рода литературного героя был задан образом Стародума в комедии *Недоросль* (1781) Дениса Фонвизина. Стремительное облучение жизнью, военной и светской карьерой сделало Стародума умудрённым опытом человеком. Одним из признаков состоятельности и мудрости следует здесь считать богатую внутреннюю историю персонажа, из которой можно извлечь дидактические примеры, представленные в тексте притчей о табакерке и рассказе о нравах двора.

Автор не только наделяет персонажа говорящим именем Стародум, но также обозначает его возраст: „Мне на свете шестьдесят лет”². Таким образом, герой пьесы маркирован как хранитель ценностей Петровской эпохи. Его старость воспринимается как залог знания и владения правилами, нормами, законами, опытами идеального для автора времени правления Петра I:

Стародум: Опыты жизни моей меня к тому приучили; У меня правило: в первом движении ничего не начинать³.

Софья: Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон; Дайте мне правила, которым я последовать должна⁴.

Правдин: Заключение ваше неоспоримо⁵.

В диалог с ним молодые герои вступают, чтобы проверить на истинность собственные познания:

Правдин: Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах.

Стародум: Только в одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу и будешь человек во всякое время⁶.

Отношение к Стародуму связано в пьесе с апологией активности, делания, что соответствует социокультурному коду Петровского времени:

Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было бы совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить⁷.

Социальную активность, свойственную молодому человеку, воинскую службу, служение двору, освоение богатств Сибири, Стародум сменил на активную позицию воспитателя молодого поколения — передачу нравствен-

² Д. Фонвизин, *Недоросль*, [в:] *Русская драматургия XVIII века*, сост., автор вступ. статьи и коммент. Г. Моисеева, Москва 1986, с. 207.

³ *Ibidem*, с. 204.

⁴ *Ibidem*, с. 220.

⁵ *Ibidem*, с. 208.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Ibidem*, с. 223.

ного опыта. Об этом свидетельствует так называемый экзамен Стародума — система диалогов, помогающая герою выявить истинно просвещенных дворян. Его энергию увеличивает сила молодого поколения. Стародум говорит Софье: „Ты должна стать утешением моей старости, а мои попечения — твое счастье”⁸.

Мудрый Стародум в тексте комедии Фонвизина может рассматриваться как своего рода пара архетипическому образу старухи — устроительницы мира и в этом смысле функционально соответствует характеристике старухи — бабушки, данной Ириной Савкиной:

В образе бабушки есть многое, что есть и в старухе: асексуальность, магическое знание, родовая память, авторитет возраста. Однако бабушка определяется через семью, она бабушка — для внуков, с точки зрения внуков. Да и посторонние люди, называя старую женщину бабушкой, как бы ставят себя в позицию внуков⁹.

Подобно тому, как старуха — бабушка, которая лишена способности к воспроизведению рода и в этом смысле чиста, идеальна и может заниматься сохранением нравственных устоев рода, Стародум также заботится о выявлении идеальной сущности в семейных отношениях. В диалогах с Софьей Стародум много внимания уделяет модели будущей семьи и выстраивает ее на представлении о дружбе, как более долговечном основании. Стародум экстраполирует идеальную/абстрактную/бесполоую модель жизни на предполагаемое будущее Софьи:

От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все приятности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обоих полов совершенства¹⁰.

В нынешнем положении Стародума в большей степени интересуется душа человека, нежели ум. Противопоставляя разумную душу как величину постоянную и „пробеглый ум” как свойство переменное, он отдает предпочтение первому, поднимаясь и в этом смысле к вечным ценностям, оставляя за пределами интересов конкретно-исторические реалии.

Итак, персонаж, ставящий превыше всего добродетель, служение обществу, являет собой не только пример героя — идеального порождения Петровской эпохи, но наделен также чертами архетипической структуры — „мудрого старика”, устроителя мира. Во-первых, персонаж лишен таких свойств как ветхость, дряхлость. Его возраст связан с крепостью, мощью, желанием изменять окружающий его мир. Культуролог Андрей Шипилов заметил, что в

⁸ *Ibidem*, с. 207.

⁹ И. Савкина, «У нас никогда уже не будет этих бабушек?», „Вопросы литературы” 2011, № 2, с. 110.

¹⁰ *Ibidem*, с. 225.

патриархальном обществе старый — это старший, т. е. человек, который в силу своего сравнительного превосходства почти автоматически выступает обладателем власти/авторитета (*auctoritas*). Греч. *geron*. — это член геруссии, лат. *senex* — это член сената: старость автоматически ассоциируется не с дряхлостью и упадком, а с властью и превосходством. Русское «старый» или старославянское «старьць» восходят к индоевропейской основе со значениями «большой», «крепкий», «твердый», «сильный»: имеется в виду отнюдь не немощь, а наоборот, сила, могущество, господство¹¹.

Во-вторых, владея особой мудростью, он претендует на „собственную космогонию”: герой уже овладел приемами устройства идеальной жизни в далекой Сибири, откуда прибыл, накопив состояние для Софьи. В разговорах с ней Стародум подчеркивает необходимость неуклонного движения к истине: „Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели бы солнце перестало светить для того, чтобы слабых глаз не ослепить”¹². Однако в этой картине мироздания, которую представляет Стародум, не оказывается места для возможного будущего — детей Софьи. На вопрос Правдина, не стоило бы оставить часть наследства детям, Стародум уверенно отвечает, что „умны будут — без него обойдутся, а глупому сыну — не в помощь богатство”¹³. Таким образом, Стародум реализует свой опыт только в ближайшей перспективе, предлагая молодым героям следовать его примеру.

Ускорение течения времени, свойственное восприятию исторического движения русского XVIII века, по словам Михаила Эпштейна, порождало парадоксальное явление — „пожирание времени” — *хроноцид*, когда настоящему времени не удавалось осуществиться, а прошлое, в нашем случае — старость, сохраняло выработанные им ценности для будущего, лишая будущее таким образом, вариантов выбора¹⁴. Именно такая модель мироздания, на наш взгляд, не позволит найти собственный путь реализации потомкам Стародума.

Амбивалентность восприятия и изображения персонажа-старика из минувшего XVIII столетия сохраняется в русской литературе XIX века. Это, как правило, бодрый и крепкий старик, полагающий смысл своего существования в службе отечеству, ведущий деятельный образ жизни, преданный идее долга, обладающий известным рационализмом в поступках. Таковы старший Дубровский и Троекуров в *Дубровском* Пушкина, Фамусов в *Горе от ума* Грибоедова. Однако стремление сохранить заботливо созданный для детей дом, родное гнездо, нуждается в защите от попыток раз-

¹¹ А. Шипилов, «Старость» в прошлом и настоящем, „Аналитика культурологии” 2012, № 3 (24), <http://www.culturalnet.ru/main/person/1185>.

¹² *Ibidem*, с. 221.

¹³ *Ibidem*, с. 208.

¹⁴ См.: М. Эпштейн, *Хроноцид. Пролог к воскрешению времени*, „Октябрь” 2000, № 7, с. 157–171.

рушить его извне. Да и само мироздание, защищаемое героем, лишено подлинной гармонии, так как в нем отсутствует важный персонаж — мудрая старуха, хранительница.

В более традиционном плане мудрая старость представлена в *Капитанской дочке* Пушкина — родители Петра Андреевича Гринева, родители Маши Мироновой — Василиса Егоровна и Иван Кузьмич Мироновы. В *Капитанской дочке* ценностные ориентиры молодого Гринева имеют четко выраженную направленность к прошлому, и уважение к старости-опыту приобретает решающее значение. Не случайно главу, знаменующую встречу Гринева с домом капитана Миронова, с собственной судьбой, автор маркирует эпиграфом из *Недоросля* — „Старинные люди, мой батюшка”. Старость здесь осмысливается в значении устойчивости, стабильности, верности. Анализ пушкинского текста позволяет увидеть, как автор расставляет героев в персонажном поле *Капитанской дочки*: герои-старики сопровождают Гринева на всем его жизненном пути, указывая его направление. Это отец — „премьер-майор” при графе Минихе¹⁵, оренбургский генерал-губернатор Андрей Карлович Р., „мужчина росту высокого, но уже сгорбленный старостию”; „длинные волосы его были совсем белы”; „старый полинялый мундир напоминал воина времен Анны Иоанновны”¹⁶. Это также „старый инвалид” Иван Игнатьич, участие которого в судьбе Гринева впоследствии окажется наиважнейшим (оценка дуэли со Швабриным как игры с жизнью).

Определение „старинный”, составляющее контекстуальную пару с определением „старый” в романе прочитывается в значении исток рода, его начало. Ощущение ветхости и старости в прямом толковании смысла оказывается обманчивым:

„старая чугунная пушка у ворот”, „старушка в телогрейке”, „чистенькая комнатка, убранная по-старинному”, „кривой старичок” в ней, „лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова” как отсылка к историческому прошедшему; „старуха с корытом, [...] кликала свиней”; перед комендантским домом „человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами в треугольных шляпах”¹⁷.

В мире, созданном капитаном Мироновым в Белогорской крепости, ветхость и старость оборачиваются стойкостью и мужеством защитников при штурме крепости отрядами Пугачева.

Самым страшным предательством может быть только предательство родовой чести и памяти. Узнав об отмене казни Петруши, его отец восклицает:

¹⁵ А. Пушкин, *Капитанская дочка*, [в:] *idem*, *Избранные сочинения* в 2 томах, т. 2, сост. Г. Макогоненко, примеч. А. Карпова, Москва 1978, с. 567.

¹⁶ *Ibidem*, с. 279.

¹⁷ *Ibidem*, с. 581–583.

Не казнь страшна: прашур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести, отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге... Стыд и срам нашему роду!¹⁸

Отношения внутри рода, принадлежность к тому, что измеряется „ста-риною” и связывает героя с „семейным космосом”, оказывается важнее жизни, дарованной Петруше.

Капитан Миронов и Андрей Григорьевич Гринев становятся для Петруши полюсами микро- и макрокосма его жизни: внутрисемейного и родового пространства, а также пространства страны-отчизны.

В портрете и поведении капитана Миронова преклонные годы сочетаются с бодростью и энергичностью („старик бодрый и высокого росту, в колпаке и китайчатом халате”¹⁹). Герою, обладающему архетипическими чертами мудрого старика, предстоит присутствовать при инициации Петруши — участии в сражении за Белогорскую крепость. Пример стойкости и верности старика-коменданта — урок для Гринева.

В персонажной системе *Капитанской дочки* прочитывается авторская позиция Пушкина: молодость толкает героя в водоворот опасных противоречивых исторических событий, но „старость”-мудрость оберегает и спасает его. Не случайно и сам автор мемуаров Петр Андреевич Гринев, обретя жизненный опыт, оказавшись в роли мудрого старика, передает мудрость внукам. Историческое развитие у Пушкина циклично, оно задается старшим — старым — старинным поколением.

Князь Николай Андреевич Болконский — один из наиболее значимых персонажей-стариков в русской классической литературе, чье мировоззрение сложилось в XVIII веке. Как и предыдущие персонажи, герой, безусловно, хранитель собственного семейного и родового мироздания. Эта функция персонажа неоднократно маркирована с помощью отсылки к знаковым образам: „*le roi de Prusse*”, „Рюрикович”, „святая Николай”, а устойчивая характеристика „старый князь в романе-эпопее Льва Толстого” обозначает его место в родовой иерархии Болконских. Поместье в Лысых Горах, в котором герой царит безраздельно и живет безвыездно с тех самых времен, когда генерал-аншеф Болконский „был при Павле сослан в деревню”²⁰ — это созданный им космос.

Прозвище „*le roi de Prusse*” подчеркивает не только оппозиционность персонажа и его отнесенность к прошлому времени, к XVIII веку, когда успехи Фридриха в политической жизни Европы были значимы, но также сохраняющееся влияние и авторитет.

В Лысых Горах все по-прежнему подчинено князю:

¹⁸ *Ibidem*, с. 645.

¹⁹ *Ibidem*, с. 583.

²⁰ Л. Толстой, *Война и мир*, [в:] *Собрание сочинений в 12 томах*, т. 1, ред. А. Бабореко, Москва 1958, с. 113.

Несмотря на то, что он был в отставке и не имел теперь никакого значения в государственных делах, каждый начальник той губернии, где было имение князя, считал своим долгом являться к нему и точно также, как архитектор, садовник или княжна Марья, ожидая назначенного часа выхода князя [...]²¹

Основной аксиологический вектор отношения к старости у Толстого обозначен с первого момента появления персонажа: „старость” — условие и право власти. Эти условия определяются и самим князем Николаем при помощи „изображения генеалогического древа князей Болконских” в золотой раме, „висевшей напротив такой же громадной рамы с дурно сделанным [...] изображением владетельного князя в короне, который должен был происходить от Рурика”²², хотя это новшество и воспринимается князем Андреем как старческое чудачество.

Наконец, финальным маркером мира старого князя становятся слова Растопчина, слегка иронические по отношению к себе, но вместе с тем уважительные по отношению к князю:

Растопчин сказал главнокомандующему, звавшему князя обедать в Николин день, что он не может быть: — В этот день уж я всегда езжу прикладываться к мощам князя Николая Андреевича²³.

Так, князь снова включается автором в орбиту общества, государства и европейской политики.

Старость князя в романе Толстого естественна и физиологична. Многократно, вплоть до тавтологии в приеме создания образа, она соотносится с портретом героя:

показывалась в напудренном парике невысокая фигурка старика с маленькими сухими ручками и серыми висячими бровями, сухое лицо старого отца, старчески-едкий запах отца, старик выходил из себя, крепкие и желтоватые зубы; ходил по-старинному, в кафтане и пудре, старик запел фальшивым старческим голосом, старый князь в стариковских очках²⁴.

Признаки старости князя усиливаются и за счет введения героя-двойника — слуги Тихона. Тихон стареет вместе со своим господином, как бы отождествляясь с ним.

Седой камердинер сидел, дремля и прислушиваясь к храпению князя в огромном кабинете; седой Тихон, высунувшись из двери официантской, шепотом доложил; ты постарел, Тихон, — сказал он [князь Андрей — Е.Д.], проходя, старику, целовавшему его руку²⁵.

Однако князь Николай наделен и типологически родственной названным выше персонажам XVIII столетия чертой: и в старости он отличается

²¹ *Ibidem*, т. 1, с. 113.

²² *Ibidem*, т. 1, с. 131.

²³ *Ibidem*, т. 2, с. 317.

²⁴ *Ibidem*, т. 2, с. 114, 115, 129, 130, 141.

²⁵ *Ibidem*, т. 1, с. 125, 126.

бодростью, внутренней стойкостью, молодостью, „блеском умных и молодых блестящих глаз”²⁶. Толстой награждает персонажа своего рода оксюморонной характеристикой — „сила свежей старости”:

По движениям небольшой ноги, обутой в татарский, шитый серебром, сапожок, по твёрдому налеганию жилистой сухощавой руки видна была в князе еще упорная и много выдерживающая сила свежей старости²⁷.

Важным для оценки образа старого князя становится то нравственное здоровье, которое он старается декларировать: „Нездоровы, брат, бывают только дураки и развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров”²⁸.

Он пытается и в детях своих воспитать стойкость, выносливость, привить им рациональное отношение к миру, тяготение к делу, знаниям, преодолеть извечную рефлексию Андрея и Марьи. Он сведущ в политике, проявляет осведомленность в новостях стратегии, ироничен по отношению к бездействию молодых военных в прусской компании 1805 года. Приемы парцелляции и эллипсиса в репликах старого князя во время разговора с Андреем выражают крайнее нетерпение героя, его мысль бежит вперед, и князь не заботится о форме ее выражения:

Сиди, рассказывай. Михельсона армию я понимаю, Толстого тоже... высадка единовременная... Южная армия, что будет делать? Пруссия, нейтралитет... это я знаю. Австрия что? — говорил он, встав с кресла и ходя по комнате с бегавшим и подававшим части одежды Тихоном. — Швеция что? Как Померанию перейдут?²⁹

На обеде в честь Николина дня в Москве „оживился” и с горькой иронией „высказал свой образ мыслей насчет предстоящей войны”³⁰.

Однако в отличие от других героев, мировоззрение которых сложилось в XVIII веке, наделенных чертами бодрой старости, старый князь уже ощутил некое отчуждение, подошел к границам земного существования. Для него нравственно одобренными и эмоционально положительно окрашенными являются только годы его молодости, вернуться к которым можно теперь только во сне. Не случайно перед смертью в снах Николая Андреевича проносятся прекрасные видения из его молодости времен правления Екатерины:

И ему представился Дунай, светлый полдень, камыши, русский лагерь, и он входит, он, молодой генерал, без одной морщины на лице, бодрый, весёлый, румяный, в расписной шатер Потемкина, и жгучее чувство зависти к любимцу, столь же сильное, как и тогда, волнует его. [...] И ему представляется с желтизной в жирном лице невысокая, толстая женщина — матушка-императрица, ее улыбки, слова, когда она в первый

²⁶ *Ibidem*, т. 1, с. 114.

²⁷ *Ibidem*.

²⁸ *Ibidem*, с. 129.

²⁹ *Ibidem*, с. 130.

³⁰ *Ibidem*, т. 3, с. 320.

раз, обласкав, приняла его, и вспоминается ее же лицо на катафалке и то столкновение с Зубовым, которое было тогда при ее гробе за право подходить к ее руке.

„Ах, скорее, скорее вернуться к тому времени, и чтобы теперешнее все кончилось поскорее, поскорее, чтобы оставили они меня в покое!“³¹

В новой системе координат, в условиях нового типа художественного сознания, изменяется авторская оценка старости героя XVIII века. В концепции созданного персонажем семейного уклада рациональное и чувствительное сосуществуют, старого князя, конечно, волнуют вопросы счастливой семейной судьбы детей, их брака, продолжения рода. Удастся ли князю разрешить эти вопросы в рамках созданного мира? Ответ на этот вопрос и есть ответ на вопрос о функционировании архетипической структуры „мудрый старик“ в пределах нового хронологического и поэтологического измерения.

По отношению к образу старого князя Толстым используется не менее важное и знаковое для определения сути персонажа сравнение „как ребенок“, которое впервые появляется в тексте после смерти жены Андрея, Лизы:

Старик все уже знал. Он стоял у самой двери, и, как она только отворилась, старик, молча, старческими, жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок³².

Соотнесенные друг с другом оценки князя — ребенок и старик — принадлежат к архетипической структуре и подтверждают близость князя Николая Болконского к овладению истинным знанием жизни, ибо и младенец, и старик оказываются близки к интуитивному проникновению в сакральные, трансцендентные сферы. Так, размышляя о фазах старения, русский философ Иван Ильин заметил:

А древнему старцу дано еще большее и высшее: он приобретает таинственную целесообразность мира во всей ее глубине и благодати; он уже пронизывает взором в потустороннюю жизнь и готов благословить свой земной конец. [...] Подумать только, сколько же счастлив человек, приемлющий утехи радости и не утративший даров юности. Сколь счастлив он, если в сердце его по-прежнему поет любовь, а из старческого ока сверкает детская искренность³³.

Это размышление лишь отчасти может быть соотнесено с образами старости персонажей Толстого и Фонвизина. Так, и Стародум, и старый князь готовы вступить в фазу познания целесообразности жизни, оба не утратили даров юности, оба полны энергии, искренни, идеалистичны, как Стародум, или искренне, по-детски, как старый князь, смотрят на мир. Однако, в отличие от героя Фонвизина, старый князь Болконский не готов

³¹ *Ibidem*, т. 3, с. 117–118.

³² *Ibidem*, т. 2, с. 46.

³³ И. Ильин, *О возрасте*, [в:] *idem*, *Поющее сердце. Книга тихих созерцаний*, <https://azbyka.ru/poyushhee-serdce-kniga-tixix-sozercanij> [электронный ресурс: Православная энциклопедия 2016, дата обращения 12.06.2016].

„к тихому освобождению от всего слишком — человеческого”³⁴. Он не обретет этого понимания до самой кончины: вспомним, что перед смертью к нему возвращаются „чувственные” картинки из его прошлого.

Князь Николай существует во многом благодаря тому, что питается энергией собственных детей и дома, который он создает для них. Если одна из этих опор ослабеет, наступит период угасания и в жизни Болконского. Так, началом крушения семейного мира старого князя становится вторжение в Россию армии Наполеона. В финальных сценах Толстой предельно концентрированно разместит детали предсмертного облика князя, соединив в них противоречивую и мятущуюся натуру старого князя („маленький старичок в мундире и орденах”, выражение робости и покорности на лице, „что-то детски робкое и недоверчивое выразилось в его лице”³⁵). Он уже не сможет предложить своим детям правил поведения и не может контролировать их жизнь в отличие от фонвизинского Стародума. Время остановится для старого князя, но остановлен будет и процесс „пожирания времени”, так как в картине толстовского мироздания герои XIX века обретут право на выбор, на игру не по правилам разума, а род Болконских продолжится новым Николенькой. Таким образом, циклическая повторяемость жизни с вектором ценностной ориентации, направленным в прошлое, получит новое наполнение — старость, погибая, даст возможность прорасти новым побегам.

Библиография

- Гинзбург Л., *Литература в поисках реальности*, Ленинград 1987.
- Ильин И., *О возрасте*, [в:] *idem*, *Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. По тексту издания 1958 года в Мюнхене*, <http://azbyka.ru/poyushhee-serdce-kniga-tixix-sozercanij> [электронный ресурс: Православная энциклопедия 2016, дата обращения 12.06.2016].
- Пушкин А., *Капитанская дочка*, [в:] *idem*, *Избранные сочинения* в 2 томах, т. 2, сост. Г. Макогоненко, примеч. А. Карпова, Москва 1978.
- Савкина И., *«У нас никогда уже не будет этих бабушек?»*, „Вопросы литературы” 2011, № 2.
- Толстой Л., *Война и мир*, [в:] *Собрание сочинений в 12 томах*, т. 1, ред. А. Бабореко, Москва 1958.
- Фонвизин Д., *Недоросль*, [в:] *Русская драматургия XVIII века*, сост., автор вступ. статьи и коммент. Г. Моисеева, Москва 1986.
- Шипилов А., *«Старость» в прошлом и настоящем*, „Аналитика культурологии” 2012, № 3 (24), <http://www.culturalnet.ru/main/person/1185>.
- Эпштейн М., *Хроноцид. Пролог к воскрешению времени*, „Октябрь” 2000, № 7.

³⁴ Л. Толстой, *Собрание сочинений в 12 томах*, т. 2, с. 46.

³⁵ *Ibidem*, т. 3, с. 143, 144, 148.

Reception of old age in the image of the character of the 18th century

Summary

The article analyzes the image of the character, whose formation has been associated with the value systems of the 18th century in Russia. Such a character has a structural characteristic of the archetype of the wise old man, the organizer of the world. It considers the transformation of the image at various stages of the literary process, typology identifies similar characteristics in the images of Starodum from the play of Fonvizin "Nedorosl" and the old duke Nikolay Bokonsky: vigorous old age, the desire to live by the rules, harmonization of the life of the in-house space, appeal to the rational basis of life. The article identifies and analyzes the direction of values of young characters associated with the respect to old age (images of old age in Pushkin's novel "Kapitanskaya Dotchka"). The author's attitude to the model of world, created by the heroes of old age, and the possibility of its continued existence — a phenomenon of chronocide, cyclic development of history, the hero leaving this life as an opportunity for the emergence of a new generation and preservation of traditions are assessed.

Keywords: archetype of the wise old man, character, direction of values, main character's model of the world, Fonvizin, Pushkin, Leo Tolstoy

Recepcja starości i wizerunek postaci literackiej osiemnastowiecznego starego człowieka w literaturze rosyjskiej

Streszczenie

W artykule ukazane zostały typologiczne analogie między postaciami starców, występującymi w utworach Fonwizina, Puszkina i Tołstoja. Autorka analizuje wizerunek tych postaci, których obraz związany jest z systemem wartości osiemnastowiecznej Rosji. Bohaterowie ci mają archetypowe cechy mądrego starca, „organizatora” ładu świata. Autorka artykułu wskazuje podobieństwa w wizerunkach Staroduma z komedii Fonwizina i starego księcia Nikołaja Bołkońskiego z powieści Tołstoja. Obie postaci łączą: energia życiowa, przyjęta hierarchia wartości, dążenie do zachowania harmonii w przestrzeni domu, odwoływanie się do racjonalnej podstawy życia. Przeanalizowany został także system wartości tych młodych bohaterów, którym bliski jest kult starości (Griniow z powieści Puszkina *Капитанская дочка*). Autorka przedstawia swoje refleksje w kontekście takich zagadnień, jak: zjawisko upływu czasu, cykliczność w rozwoju historii, pojawienie się nowej generacji, zachowanie tradycji.

Słowa kluczowe: archetyp mądrego starca, hierarchia wartości, model świata, bohater literacki, Fonwizin, Puszkina, Lew Tołstoj